

Глава 27

На самом деле ни по какому льду он не шел — Линь Му предпочел попросту пропустить слова Гу Суйчжи мимо ушей. Он ведь хотел сказать...

А что он хотел сказать?

Впрочем, неважно.

Мо Хэмяо на мгновение замер, а затем снова расплылся в улыбке:

— Ну раз так, второй брат составит тебе компанию.

Мо Сюнь расплылся в счастливой улыбке:

— О-о-о, да-а-а!

Второй принц и впрямь опустился на корточки прямо в грязь рядом с младшим братом. Наблюдая, как тот сосредоточенно лепит что-то из земли, он негромко спросил:

— Маленький грибок, у тебя ничего не болит?

Юноша молча указал на свой зад.

Мо Хэмяо:

— ...

Помолчав, он снова спросил:

— Ты и впрямь не помнишь своего брата? А помнишь ли ты...

Он придвинулся к самому уху принца. Резкий запах вина, смешанный с тяжелым ароматом благовоний, ударил Мо Сюню в нос, заставив едва не чихнуть. Голос Мо Хэмяо, всё еще вкрадчивый и ласковый, вдруг приобрел зловещую, ледяную интонацию:

— Помнишь ли ты, как именно я стал хромым?

«Как ты стал хромым? — пронеслось в голове у юноши. — Откуда мне знать, в книге об этом ни

слова не было!»

Не дождавшись ответа, Второй принц внезапно рассмеялся:

— Ладно, третий брат, хватит игр. У меня есть к тебе дело. Речь о молодом маркизе Фане.

Едва прозвучало это имя, как Мо Сюнь резко вскочил, отбежал на несколько шагов в сторону и снова присел на корточки. Опешивший брат попытался подойти ближе. Но стоило ему сделать лишь шаг, как юноша, словно заведев нечто омерзительное, снова попятился.

— А-Сюнь, неужели ты боишься брата?

Мо Сюнь зажал уши руками. На его лице смешались гнев и детская обида:

— Грибы! Не умеют! Говорить! Не смей! Со мной! Разговаривать! Ты! Меня! Раздражаешь!

Видя, как тот едва ли не бьется в истерике, Мо Хэмяо наконец не выдержал и расхохотался во весь голос. Больше он не пытался заговорить с Мо Сюнем. Повернувшись к застывшим позади слугам, он бросил:

— Хорошенько заботьтесь о своем «господине-грибе».

Поднявшись, он напоследок привычно стукнул младшего веером по макушке:

— Брат уходит.

Линь Му проводил его взглядом. Лишь когда за Вторым принцем закрылся поворот дворцовой стены, с губ того сорвался короткий, торжествующий смешок. В голове Мо Хэмяо, точно навязчивая мелодия, крутилась лишь одна мысль:

«Возмездие свершилось. Справедливость восторжествовала! Наконец-то ты получил по заслугам!»

Когда Мо Хэмяо ушел, Мо Сюнь втайне облегченно выдохнул. Он прекрасно понимал, что тот его испытывал, прощупывая почву. Поверил ли брат в его безумие — оставалось загадкой.

Просидев в грязи еще какое-то время, принц почувствовал, что ноги окончательно затекли. Он не выдержал и повалился прямо на землю. Закинув руки за голову и закрыв глаза, он громко объявил:

— Время спать!

Слуги тут же бросились к нему, пытаясь поднять:

— Ваше Высочество, ну что же вы! Пойдемте в покои, ляжете в постель.

Юноше и самому не улыбалось делить ложе с муравьями, поэтому, поупрямившись для вида, он позволил увести себя. С каждым шагом ошметки подсохшей грязи осыпались на пол, оставляя за собой цепочку следов.

Увидев его в таком состоянии, Ян Ло едва не лишилась чувств. Она немедленно приказала принести горячей воды, собираясь лично вымыть господина. Но Мо Сюнь, в душе оставаясь целомудренным юношей, ни за что не желал, чтобы девушка видела его нагим. Усевшись в огромную деревянную бадью, он сложил ладони лодочкой и принялся обстреливать служанку струями воды. Стоило той приблизиться — и в неё летел очередной заряд. Юноша напоминал «горохострел», отчаянно защищающий свою крепость.

Ян Ло:

— ...

Глядя на свое промокшее платье, она наконец не выдержала. Закатав рукава, девушка с решительным видом направилась к бадье. В густом пару, заполнившем комнату, принцу на мгновение померещилась его покойная бабушка, которая в прошлой жизни точно так же, с хмурым видом, шла к нему с полотенцем наперевес.

Он заплескался еще сильнее:

— Нет! Не подходи! Не хочу!

— Ну и кто же тогда, по-вашему, должен вас мыть? — Ян Ло смахнула воду с лица.

Мо Сюнь принялся яростно баламутить воду:

— Хочу высокого черного красавца-спортсмена! С кубиками!

Ян Ло:

— ...

Принц заметил, как на виске у служанки предательски дернулась жилка. Он надеялся, что

столь нелепое требование заставит её отступить, но лишь сильнее разозлил её. Теперь, невзирая на любые протесты, она вознамерилась вымыть его во что бы то ни стало.

Мо Сюнь, этот оплот мужской добродетели, закричал так отчаянно, будто его вели на казнь:

— Нет! Не смей! Отойди!..

В самый разгар этого хаоса из-за окна раздался негромкий голос:

— Ваше Высочество.

Голос был низким, мягким и веял могильным холодом. В покоях мгновенно воцарилась тишина. Линь Му услышал, как слуги, запинаясь от ужаса, пролепетали:

— Чжанъинь...

«Чжанъинь? — подумал юноша. — Гу Суйчжи?»

Слуги вполголоса объяснили евнуху, что господин наотрез отказывается мыться. Гу Суйчжи лишь бесстрастно отозвался коротким «хм».

— Кто это? Кто там говорит? — Мо Сюнь, набравшись смелости, выкрикнул в сторону окна.

Ему никто не ответил. По залу раздались негромкие, размеренные шаги. Они приблизились к ширме, и гость, не колеблясь ни секунды, обогнул её и вошел внутрь. Сперва до принца донесся тонкий аромат зимней сливы, а затем перед ним предстал и сам Чжанъинь. Алое одеяние, расшитое золотом, яшмовый пояс, безупречно стройная фигура. На тонких губах застыла едва уловимая, пугающая усмешка, а в светло-янтарных глазах не было и тени тепла.

Гу Суйчжи. Всемогущий евнух, Чжанъинь, которого боялись и ненавидели все в Поднебесной. Его амбиции были безграничны, а методы — беспощадны. Когда Линь Му читал книгу, он был преданным фанатом этого персонажа. Но теперь, оказавшись с ним лицом к лицу в роли жертвы, он готов был разрыдаться от бессилия.

— Гу Суйчжи приветствует Ваше Высочество.

Несмотря на эти слова, спина евнуха оставалась прямой. Он и не думал кланяться. Старый император обожал Мо Сюня, но в Гу Суйчжи он души не чаял. Тот факт, что Чжанъиню позволено не склонять голову даже перед государем, в свое время бесчисленное количество раз приводил оригинального принца в бешенство. Однажды, в порыве ярости, он даже приказал связать мужчину и жестоко выпороть его плетью. Но сколько бы его ни наказывали, тот ни разу не согнул спины.

Юноша понял, что слишком долго разглядывает гостя. Чтобы не выдать себя, он решил пойти до конца: задрал голову, он уставился на Главного евнуха немигающим взглядом.

— Его Величество беспокоится о Вашем Высочестве, — произнес Гу Суйчжи. — Он приказал передать вам Золотую пилюлю свинца, которую изготовил собственноручно.

С этими словами он извлек из широкого рукава лаковую шкатулку. Когда крышка откинулась, взору предстала сияющая золотом пилюля. Сердце принца ушло в пятки. На закате лет старый император, подобно многим своим предшественникам, ударился в поиски бессмертия. Подстрекаемый Гу Суйчжи, он с головой ушел в алхимию. Сегодня он мог изготовить «Пилюлю Асюня» из плоти младенцев, завтра — «Пилюлю призрачного аромата» из волос сотни девственниц. К счастью, император никогда не раздаривал свои снадобья. Даже его любимый сын Мо Сюнь никогда их не пробовал. Тот факт, что государь решил расщедриться сейчас, наводил на размышления: была ли это его воля или за этим стоял Чжанъинь?

Мо Сюнь прекрасно понимал — есть это нельзя ни в коем случае. В таком снаряде содержание тяжелых металлов зашкаливало. От подобного «лекарства» любой лишится рассудка.

— От кого, ты говоришь, это принесли? — Мо Сюнь нахмурился.

Холодный взгляд евнуха медленно скользнул по его лицу:

— Разумеется, от Его Величества Императора.

— От того уродливого старика?

Юноша с плеском выплеснул руки из воды. Его плечи и грудь, до этого скрытые в пене, показались на поверхности; блики заиграли на белоснежной коже.

«А у этого щенка неплохая кожа», — безучастно подумал Гу Суйчжи.

В следующий миг Мо Сюнь схватил золотую пилюлю и со всей силы швырнул её в дальний угол:

— Не буду я есть то, что прислал этот страшила! Фу!

Выбросив подарок, он закрыл лицо руками и зашелся в плаче, словно его смертельно обидели. Ян Ло тут же бросилась к нему:

— Ваше Высочество, ну что вы, не плачьте, не надо...

Затем она обернулась к Гу Суйчжи:

— Господин Чжанъинь, вы, должно быть, не знаете... Его Высочество сегодня...

— Я знаю, — оборвал её евнух.

Он уже слышал, что принц превратился в слабоумного, но подозревал заговор. Он пришел сюда, чтобы лично проверить слухи. Перед этим он задержался в резиденции молодого маркиза Фана, и потому прибыл лишь сейчас. Гу Суйчжи опустил взгляд, внимательно следя за каждым движением. Мо Сюнь всегда вызывал у него лишь отвращение, но теперь, когда тот ударился головой, он перестал казаться таким уж мерзким.

Видеть, как юноша, рыдая, колотит руками по воде, было по-своему забавно. Пожалуй, Чжанъинь впервые видел безумца так близко. Юноша поплакал еще немного, а затем, словно позабыв о причине своих слез, уставился на собственные волосы, плавающие в воде. Он принялся сосредоточенно наматывать их на палец. Когда все пять пальцев оказались опутаны, Мо Сюнь вдруг в ужасе вскрикнул:

— Помогите! Волосы меня кусают!

Гу Суйчжи:

— ...

«Неужели безумцы действительно настолько глупы?»

Несмотря на то, что зрелище было занятным, Чжанъинь не желал больше оставаться здесь:

— Ваше Высочество.

Мо Сюнь вздрогнул, будто только что заметил его присутствие. Увидев евнуха, он обиженно надул губы:

— Я не буду есть гадости от страшилы! Не буду!

— Раз Ваше Высочество не желает, пусть будет так. Я откланиваюсь.

Не задерживаясь больше ни на секунду, Гу Суйчжи еще раз окинул его взглядом и вышел прочь. Покидая дворец Сбора Ароматов, он вспомнил глуповатое лицо юноши и то, как тот честил императора «страшилой». Настроение евнуха необъяснимо улучшилось.

«Надо же, даже дурак способен отличить красоту от уродства», — подумал он. И тут же в его голове промелькнула любопытная мысль: «Интересно, каким он видит меня? И если бы я предложил ему еду, стал бы он её есть?»

Любопытство разгорелось в его душе, точно лесной пожар. Гу Суйчжи замер на месте, а затем резко развернулся.

Ароматное печенье с османтусом коснулось губ Мо Сюня. Принц застыл, глядя на Гу Суйчжи отсутствующим взглядом, и пытался разгадать его замысел. В голове Мо Сюня вихрем проносились догадки:

«Неужели он смазал пальцы ядом? Нет, он не станет убивать меня вот так, в открытую. Или он просто проверяет, не притворяюсь ли я?»

Пауза затянулась, и Чжанъинь явно начал терять терпение. Он сильнее прижал сладость к губам юноши:

— Ваше Высочество?

Тон его был ледяным. При мысли о грозном евнухе Мо Сюнь мгновенно струхнул. Он послушно приоткрыл рот и съел печенье прямо из его рук.

Почувствовав, как юноша осторожно забирает угощение с его пальцев, Гу Суйчжи испытал странное чувство. Он вспомнил наложницу Ли, у которой был рыжий кот. Однажды он видел, как она кормила его с рук. Кот подпрыгивал, хватал мясо и довольно урчал. Теперь Чжанъинь молча наблюдал за Мо Сюнем. Тот аккуратно откусил кусочек, оставив на тесте ровный след зубов. Маленький принц жевал с таким аппетитом, что любо-дорого было смотреть. Кончик его алого языка прошелся по губам, слизывая крошки.

Когда Гу Суйчжи увидел, как кадык юноши дернулся, проталкивая проглоченный кусок, он и сам невольно сглотнул. Он протянул Мо Сюню оставшуюся половинку, но тот наотрез отказался:

— Ик... сухо.

С некоторым сожалением евнух отложил остатки. Он снова попрощался, и Линь Му проводил его взглядом, так и не сумев понять его умысла.

Прошел день, второй, третий. Император запретил разглашать новости о болезни сына, но дворцовые сплетни было не унять. Мо Сюнь понимал, что посетители приходят лишь поглазеть на него, но его это не заботило — пусть весь мир поверит в его безумие. Станным было лишь одно: среди гостей так и не появился Фан Лин.

В романе оригинальный Мо Сюнь издевался над ним с особой жестокостью. Фан Лин был героем войны, человеком гордым. Мо Сюнь не раз приказывал прилюдно пороть его, стремясь унижить. Казалось бы, маркиз должен был радоваться больше всех, но он ни разу не пришел. Впрочем, принц быстро понял причину — Фан Лин был слишком благороден, чтобы глумиться над поверженным врагом. Хотя Мо Сюню было бы любопытно взглянуть на этого «бога войны».

Размышляя об этом, он с зевком поднялся с постели. Время близилось к полудню. Юноша проснулся пару часов назад, но какой же дурак придерживается распорядка? Чтобы поддерживать образ, Мо Сюнь каждое утро усердно месил грязь в саду. Он лепил людей: десятки маленьких глиняных фигурок выстроились у его ног. В такие минуты юноше казалось, что он — сама богиня Нюйва.

Ян Ло помогла принцу облачиться в многослойные одежды, развесила на его поясе украшения. Мо Сюнь лениво прихлебывал утренний отвар, наострив уши. За последние дни слуги осмелели и начали переговариваться прямо при нем.

— Наш маленький принц и впрямь стал похож на картину.

— И то правда, теперь он кажется куда милее.

— Кстати, вчера я встретила служанку из покоев наложницы У. Она шепнула... чтобы мы были настороже. Говорят, Его Величество сегодня изволил гневаться. Сказал, что наложница У ему наскучила, и велел искать новых красавиц.

Мо Сюнь едва не поперхнулся кашей. Старый император доживал последние дни, но его похоть лишь росла. Пьяные оргии, охота на женщин... Если государь клал на кого-то глаз — спасения не было. Аппетит окончательно пропал. Принц отставил чашку и убежал в сад. Свита слуг бросилась следом.

Вскоре он нашел идеальное место для своих игр: в тени высокой стены. Мо Сюнь уселся прямо на землю и принялся за лепку. Сначала он построил маленький домик, затем вылепил целую вереницу человечков, подвешенных на столбах. Следом появилась трехголовая кошка, терзающая семиногую собаку. И, конечно, огромный осьминог со множеством щупалец.

Линь Му настолько ушел в процесс, что не сразу заметил, как перед ним возникли черные сапоги. Юноша поднял голову. На него сверху вниз смотрел Гу Суйчжи. В его глазах читались холод и любопытство.

— Ваше Высочество, — поприветствовал он, даже не склонив головы.

Мо Сюнь с отсутствующим видом протянул к нему руки. Чжанъинь сперва с недоумением следил за его движениями, а когда понял, что тот задумал, было уже поздно. Он лишь молча наблюдал, как юноша вытирает грязные ладони о подол его роскошного одеяния.

Гу Суйчжи:

— ...

Мо Сюнь весело хихикнул и захолопал в ладоши:

— Красиво! Как красиво!

Евнух уже собирался уйти, но вспомнил о цели своего визита. Он протянул руку назад, и Фэн Ван тут же вложил в неё сверток. Гу Суйчжи неспешно развернул бумагу, открывая взгляду пирожные. Мо Сюнь краем глаза следил за ним. Стоило принцу снова потянуться к его одеждам, как Чжанъинь прижал сладость к его губам:

— Ешь.

Принц опешил. Опять кормит? Впрочем, аромат выпечки щекотал ноздри. Понимая, что Гу Суйчжи не станет травить его при всех, Мо Сюнь послушно открыл рот. Вкус был чудесным. Подняв глаза, он увидел, что на лице евнуха промелькнуло нечто, похожее на улыбку.

В следующее мгновение к его губам поднесли еще одно пирожное. Мо Сюнь решительно не понимал, что творится в голове у этого человека. Проглотив последний кусочек, он увидел, как Гу Суйчжи довольно вскинул бровь.

Этим утром Чжанъинь специально велел Фэн Вану собрать гостинцы. Теперь, когда Мо Сюнь доел медовое печенье, мужчине захотелось продолжения. Он снова протянул руку назад, взял очередное лакомство и поднес к губам принца.

Но тот лишь мотнул головой:

— Сыт я.

Сказав это, юноша отвернулся и побрел к своим покоям. Этот жест был полон пренебрежения, но за ним скрывался точный расчет. Мо Сюнь хотел проверить — не заподозрил ли евнух

подвох? Гу Суйчжи провожал его прищуренным взглядом. Если бы Мо Сюнь притворился, он бы ни за что не стерпел такого обращения.

Войдя в зал, Чжанъинь велел слугам удалиться. Мо Сюнь первым делом плюхнулся в кресло и принялся жалобно завывать:

— Пи-и-ить хочу! Пи-и-ить! Жа-а-ажда!..

Гу Суйчжи невольно поморщился, глядя на грязные следы:

— В чайнике есть настой.

Юноша уставился на него с отсутствующим видом. Евнух сам налил чашку и протянул её юноше. Руки Мо Сюня были покрыты грязью. У Гу Суйчжи возникло непреодолимое желание взять платок и дочиста их оттереть. Он мысленно обругал себя за «холопские замашки» и всучил чашку принцу. Но тот принялся пускать пузыри, шумно дую в воду.

Чжанъинь подошел вплотную к Мо Сюню. Его высокая фигура накрыла юношу тенью. Линь Му едва подавил дрожь. Они замерли так надолго. Когда сердце юноши уже готово было выпрыгнуть из груди, ледяные пальцы внезапно обхватили его подбородок, заставляя поднять лицо.

— Я слышал, на днях Ваше Высочество изволили удариться головой? — спросил Гу Суйчжи.

Принц оставался безучастным, лишь жалобно скривился:

— Больно... голова болит.

Мо Сюнь перехватил запястье мужчины и приложил его ладонь к своему затылку. Чжанъинь действительно погрузил пальцы в густые волосы, ощупывая голову. Видимо, ушиб уже затянулся.

Гу Суйчжи отнял руку:

— Чан Няньпин утверждает, что Ваше Высочество лишились рассудка. Но мне кажется, что вы на редкость сообразительны. Полагаю, у вас есть веские причины притворяться дураком.

Мо Сюнь лишь весело хихикнул:

— Верно! Я совсем не глупый. Ян Ло говорит, я уже сам умею есть. Видишь, какой я умный?

Гу Суйчжи:

— ...

На его губах расцвела улыбка. Он протянул руку и заботливо поправил воротник юноши. Его пальцы скользнули вниз и замерли прямо над сердцем принца. Этот жест был полон смертельной угрозы. Гу Суйчжи прошептал:

— А ведь я разгадал тайну этих глиняных фигурок... Ваше Высочество наверняка знает, на что я способен. Если вы не побрезгуете, я мог бы стать вашим острейшим клинком. Я дам вам всё, чего бы вы ни пожелали.

Мо Сюнь лишь удивленно моргнул:

— А что такое «острейший клинок»?

Евнух поперхнулся:

— ...Это оружие.

— Ты меня обманываешь. У нас тут дворцовые интриги, а не фэнтези про культиваторов. Как ты можешь быть оружием?

«Что он несет? Неужели те фигурки и впрямь ничего не значат?» — подумал Гу Суйчжи. Принц уже увлеченно бормотал что-то свое:

— Хорошо еще, что я не попал в сюжет про бессмертных учителей... Там всё заканчивается «почернением» и маленькой темной комнатой... И еще детей рожать заставят! Я чуть не сбежал с ребенком под сердцем!

Гу Суйчжи:

— ...

Глядя на бормочущего принца, мужчина наконец почти поверил в его безумие:

— Кто бы мог подумать... ты и впрямь стал идиотом.

— А как тебя зовут? — внезапно спросил Мо Сюнь.

Чжанъинь с трудом сдерживая раздражение:

— Гу Суйчжи.

— Гу Суйчжи... А я Мо Сюнь. Я не идиот.

— Но, — Гу Суйчжи усмехнулся, — ты именно идиот.

— Гу Суйчжи.

— Да, Ваше Высочество?

— Я Мо Сюнь. Я не идиот. Ты сам дурак. Разве ты не видишь, какой я умный?

Услышать такое от безумца было верхом нелепости. Гу Суйчжи не выдержал и расхохотался. В этом смехе было нечто такое, отчего по спине пробегал холодок.

— Мне пора служить государю. Ваше Высочество желает пойти со мной?

Принц никак не отреагировал. Гу Суйчжи это вполне устроило:

— Что ж, нам не по пути. Берегите себя... хорошенько берегите.

Слуги вернулись и подхватили юношу под руки. У самого выхода Мо Сюнь запнулся собственной ногой и едва не растянулся. Позади раздался негромкий смешок:

— Фэн Ван, выброси это кресло и чашку.

Покинув обитель Главного евнуха, Мо Сюнь крепко сжал кулаки. До чего же страшный человек! Он шел к себе и невольно вспомнил описание того, как Гу Суйчжи попал во дворец. Ему было четырнадцать. Все знали: идти на службу в замок — всё равно что нести голову на плаху. Но у него не было выбора, семья голодала. Мальчишки рыдали, но Гу Суйчжи не проронил ни слезинки. Меньше чем за год он стал самым преданным псом императора. То, от чего у других кровь стыла в жилах, он исполнял с ледяным спокойствием.

Потрясение было слишком сильным. Ночью Мо Сюню приснился кошмар: Гу Суйчжи кромсает его ножом, при этом ласково скармливая ему пирожные. Следом пришло ощущение удушья. Юноша резко открыл глаза — Мо Хэмяо изо всех сил зажимал ему нос. Резкий запах вина ударил в ноздри, заставив трижды чихнуть.

— Маленький дурачок, просыпайся, — пробормотал пьяный брат. — Отец устраивает пир для чиновников. Живо вставай и готовься.

Гу Суйчжи с некоторым сожалением швырнул остатки сладостей Фэн Вану. Он уже собрался уходить, как вдруг его взгляд упал на землю. Уродливые фигурки из грязи, казалось, вцепились друг другу в глотки. Трехголовая кошка терзала семиногую собаку. Семь разделить на три — в остатке единица. Неужели это намек на то, что принц Мо Сюнь замышляет недоброе против наследника? А рядом — существо со множеством щупалец, распластанное в грязи. Намек на больного императора? Внезапно юноша одним движением превратил «осьминога» в бесформенный комок.

«Он хочет уничтожить государя?» — Чжаньинь перестал улыбаться.

— Ваше Высочество, не желаете ли побеседовать? — ледяным тоном произнес он.

Когда евнух ушел, Мо Сюнь наконец перевел дух. Пользуясь тем, что Ян Ло отвлеклась на упавшую пилюлю, он быстро вытерся и натянул одежду. Служанка обернулась и невольно рассмеялась:

— Ваше Высочество, ну кто же так одевается?

Она принялась поправлять его наряд, но тут вбежал слуга:

— Чжаньинь вернулся!

В дверях снова возникла высокая фигура. Гу Суйчжи остановился перед ним и вдруг взял со стола печенье, поднеся его к губам принца:

— Будешь?

Мо Сюнь:

— ...????

«Да ты издеваешься! Вернулся только для того, чтобы еще раз меня покормить? Это что, какой-то странный флирт?!»

Раздражение на лице Юань Чжунъю мгновенно сменилось холодным высокомерием. Он смерил вошедшего слугу презрительным взглядом:

— О, неужто это цепной пес моего пятого брата? Что, пришел за мной?

Слуга от такого обращения едва не перекосялся, но дерзить Шестому принцу не осмелился:

— Что вы... я не за вами. У меня дело к этому господину.

Линь Му нахмурился:

— Что за дело?

«Неужели он думает, что я не хочу мыться? — подумал юноша. — Да если бы не этот Гу Суйчжи в моей голове... который вечно ворчит, что нам не стоит мыться вместе, потому что он всё видит... К тому же, я каждый день пользуюсь Искусством очищения от пыли!»

Линь Му устало потер лоб:

«Старший, имейте совесть, ладно?»

Гу Суйчжи и не думал взывать к совести. Скрестив руки на груди, он окинул его насмешливым взглядом и приказал:

«А теперь... живо мойся. Я посмотрю».

<http://bllate.org/book/15862/1438821>